

В качестве приложений к книге опубликованы рассказы и песни о Яношике: 1 — из архива Института этнографии Словацкой Академии наук (фонд д-ра Франка Вольмана — 10 легенд); 2 — из архива Словацкой матицы (фонд Галаша XIX—XX вв. — 117 песен); 3 — из архива Института музыковедения Словацкой Академии наук (40 песен). Приложения эти увеличивают ценность рецензируемой книги.

В целом новая книга П. Г. Богатырева является несомненным вкладом в изучение славянского исторического фольклора. Мимо нее не смогут пройти и исследователи феодального фольклора других народов.

В. Соколова

Българско народно творчество. В дванадесет тома. Редакционна колегия: проф. М. Арнаудов, Ив. Бурин, Хр. Вакарелски, проф. П. Динев, Д. Осинин (отговорен редактор). Том пети — Обредни песни; том шести — Любовни песни; том седми — Семейно-битови песни; том осми — Трудово-помињџни песни.

Коллектив болгарских фольклористов и писателей успешно осуществляет издание многотомной антологической серии «Болгарское народное творчество». В 1962 г. вышли в свет четыре очередные тома, посвященные песенным жанрам. Подобно первым томам, охватившим основные виды эпической поэзии¹, рецензируемые тома представляют в серии законченный цикл и знакомят читателя с различными видами болгарской лирики.

Календарная и свадебная обрядовая поэзия составляют содержание тома, подготовленного к печати М. Арнаудовым и Хр. Вакарелским. Наиболее полно представлены здесь разнообразные типы колядок (некоторые из них — в двух и трех вариантах), а также «лазарские» песни, исполняющиеся девочками-подростками и девушками в хороводах и при играх во время праздника Цветница или Вербница. Сравнительно небольшое количество песен, впрочем достаточно характерных, включено в разделы, посвященные другим народным праздникам: зимним — Новому году, Водцам (6/18 января), Тодорице, Сирнице (февраль); весенним — мартовским дням, Великому дню, Юрьеву дню, майским праздникам, Еньову дню (соответствует Ивану Купале у восточных славян). В последовательности, соответствующей типичному «сценарию» болгарской свадьбы, размещены свадебные песни (здесь же приводятся и предшествующие свадьбе припевки о женитбе).

Органическая связь поэзии с обрядом определила композицию тома, расположение и членение фольклорного материала. Очень хорошо, что каждому из разделов предпосланы этнографические статьи, содержащие описание соответствующих праздников, обычаев и игр (иногда с указанием на региональные особенности). Это воссоздает целостную картину обрядового фольклора и вместе с тем облегчает восприятие помещенных в книге песенных текстов, помогает понять их смысл и бытовую функцию. Общая характеристика календарной обрядовой и свадебной поэзии содержится в статьях составителей.

Изучение обрядовой поэзии представляет немалые трудности, несмотря на то, что ей посвящен ряд специальных исследований. Богатый материал дает фольклор славянских народов. Не случайно такое большое внимание ему уделили в этом плане А. Н. Афанасьев, А. А. Потебня, А. Н. Веселовский, Вук Караджич, Ч. Зибрт, Д. Маринов, И. Быстронь и другие крупные ученые славянских стран. Марксистская этнография и фольклористика в социалистических странах стремятся критически пересмотреть концепции буржуазных ученых и дать материалистическое истолкование обрядового фольклора. Достаточно напомнить в этой связи некоторые работы советских ученых — книгу В. И. Чичерова «Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI—XIX веков» (1957), недавно вышедшую книгу В. Я. Проппа «Русские аграрные праздники» (1963), работы С. А. Токарева и К. В. Чистова. В Болгарии, где обрядовый фольклор до последнего времени оставался живым элементом народной культуры, интерес к нему не ослабевает до наших дней. Заметный вклад в его изучение внесли и составители рецензируемого тома — авторы солидных исследований, относящихся еще к 20—40-м годам. Вступительные статьи и в рецензируемом томе опираются в основном на лучшие традиции и достижения болгарской фольклористики и этнографии.

М. Арнаудов в статье «Годовые праздничные песни» во многом исходит из современных научных представлений о связи календарной поэзии с общественными условиями, в которых она возникла и формировалась, с трудовой деятельностью народных масс. Он пишет, что обрядовые песни «выражают настроения и заботы, связанные

¹ См. рецензию Б. Н. Путилова «Българско народно творчество. В дванадесет тома, тт. I—IV...» в журнале «Сов. этнография», 1962, № 6, стр. 173—176.

с важнейшими материальными и семейными интересами народа», его «насушенные экономические нужды» (стр. 14). Вместе с тем исследователь не вульгаризирует обусловленность обрядового фольклора производственной деятельностью и постоянно указывает на связь его с религиозными воззрениями, на то, что в определенном смысле песни дополняют и осмысливают обрядово-магическое действие (стр. 14). «Молитвы и заклинания,— справедливо отмечает М. Арнаудов,— органически переплетаются с поэтическим восприятием, поскольку это и не могло быть иначе при том мировоззрении, зависевшем в основе своей от общественных условий» (стр. 47). Самое ценное и привлекающее в статье старейшего болгарского фольклориста— стремление раскрыть эстетическую непреходящую ценность обрядового фольклора. На протяжении всей статьи автор убедительно развивает тезис о том, что хотя комплекс религиозных представлений, связанных с обрядом, и обряд в целом «неудержимо разрушается», но поэзия, в которой выразилось светлое, жизнеутверждающее, праздничное мироощущение народных масс, сохраняет свою прелесть (стр. 10, 15, 17, 20—21, 28—29, 32, 41, 50—51 и др.). В некоторых произведениях обрядового фольклора, подчеркивает М. Арнаудов, «поэзия... служит выражением порывов и чувств с глубоким социальным содержанием» (стр. 44). Автор дает и конкретные характеристики художественных особенностей каждого вида календарно-обрядовой поэзии, указывая вместе с тем и на общее свойство их— поэтическую идеализацию. Общность объективных предпосылок и эмоционального содержания способствовала тому, что песни перестали приурочиваться к определенным праздникам и стали переходить из одного в другой (стр. 19). Насыщенная материалом статья М. Арнауова дает ясное представление об обрядовом фольклоре болгарского народа. Не все, разумеется, бесспорно в его толкованиях. Можно было бы пожелать, чтобы диалектическая связь производственно-трудовой основы и художественной природы обрядовой поэзии была бы вскрыта более последовательно. Вряд ли можно согласиться с автором, когда он говорит о сочетании в обрядовой поэзии «реалистического видения и романтического чувствования» (стр. 26—27), о «поэтическом реализме» песен (стр. 44) и т. п.— думается, что понятия реализма и романтизма не могут объяснить своеобразия художественного отражения действительности в обрядовом фольклоре. Но советский читатель имеет возможность воспринять новые ценные факты и наблюдения в работе болгарского исследователя и вместе с тем критически отнестись к некоторым его положениям.

Раздел свадебных песен, значительно меньший по объему, открывается небольшой вступительной статьей Хр. Вакарельского «Народная свадьба». Это создает некоторую диспропорцию в общей композиции тома. Этнографическая и эстетическая ценность болгарского свадебного обряда поэтому оказалась недостаточно раскрытой, а очень существенные мысли автора статьи изложены в тезисной форме. Особенно жаль, что Хр. Вакарельский не проанализировал свадьбу как своеобразную «народную музыкальную драму» (стр. 497—498) и не охарактеризовал художественное своеобразие свадебных песен. Думается, что составителям тома можно было бы не ограничиваться лишь выявлением некоей общей типической схемы свадебного обряда, но и проиллюстрировать хотя бы важнейшие областные отличия его в разных районах Болгарии, шире показать разнообразие песенного репертуара. Отчасти этот недостаток возмещается ссылками на соответствующие параллели и варианты в комментариях. Жаль, что в рецензируемый том не вошли хотя бы образцы других видов семейно-бытового обрядового фольклора, в частности похоронные причитания.

Внеобрядовым бытовым песням посвящен седьмой том серии, подготовленный к печати Д. Осининым и Е. Огняновой. Сюда вошли песни хороводные, исполнявшиеся на посиделках, а также семейные. Тексты отобраны со вкусом и многие интересно прокомментированы. Внутри песни расположены в основном по тематическому принципу. Это привело к тому, что в разделе семейно-бытовых песен оказались и свадебные, а среди песен, помещенных под рубрикой «Жалобы и несчастья», наряду с лирическими помещены и типичные баллады (которым был посвящен четвертый том), и несколько причитаний (стр. 463—466), которые было бы уместнее отнести к песням обрядовым. Это, к сожалению, нарушает целостность издания и затрудняет пользование им. Правда, следует иметь в виду, что издатели и составители рецензируемых томов находились в затруднительном положении, поскольку научная жанровая классификация народной лирики до сих пор, по существу, отсутствует. В советской фольклористике также предпринят в последние годы критический пересмотр принятой систематизации песенного материала и предложены различные новые принципы его классификации. Напомню в этой связи работы Н. П. Колпаковой «Русская народная бытовая песня» (1962) и В. Я. Проппа «Народные лирические песни» (1961). Видимо, дискуссия по этим вопросам будет еще продолжена. Рецензируемое же издание болгарских народных песен лишний раз свидетельствует о том, что тематический принцип полностью изжил себя и неизбежно ведет к смешению самых различных жанровых форм и не способствует изучению народной песни как художественного явления. Автор вступительной статьи Д. Осинин, тонко чувствующий эстетическую ценность народной песни, в силу принятой им тематической рубрикации материала, в сущности, вынужден был

ограничиться характеристикой тематического содержания текстов. Неизбежное следствие — иллюстративный подход к песне, при котором анализ идейно-художественного своеобразия разных по жанровой природе видов лирики оказывается неполным. Д. Осинин характеризует традиционные песни как «богатую документацию отживших форм быта» (стр. 5); в этих песнях отразились повседневные отношения людей и характер народа, самые различные чувства — как интимные, так и социальные, вызванные значительными историческими событиями (стр. 6). Автор указывает на разнообразие болгарских хороводных песен — этого «наиценнейшего наследия прошлого» (стр. 8). Трудовая основа посиделок нашла выражение во множестве прекрасных лирических песен (стр. 11). «Посиделки в прошлом — пишет Д. Осинин — были местом сокровенной сердечной исповеди» (стр. 13). Автор останавливается на характеристике различных песен, сопровождавших свадьбу, восхищаясь богатством их мотивов, разнообразием эмоционального содержания. Интересны его наблюдения над противоречивым содержанием семейных песен — воспевание в них крепости и общности большой семьи и отражение драматических ситуаций между отдельными членами ее. Едва ли при этом, на мой взгляд, можно говорить о «художественном реализме» (стр. 27). Автор указывает также на тему болезни и смерти во многих песнях. Весьма критически судит Д. Осинин о болгарских юмористических песнях: «бедные по содержанию, эти песни, за небольшим исключением, беспомощны в поэтическом отношении» (стр. 37). Здесь автор следует за оценкой П. Славеикова. Однако думается, что в суждении о народном юморе следует больше принимать во внимание его специфику.

Шестой том, подготовленный к печати Д. Осининым и И. Бурином, включает песни, объединенные темой любви. Автор вступительной статьи, Д. Осинин сравнивает народную любовную лирику с огромным цветным ковром, расшитым бесчисленным множеством искусных рук (стр. 5). Создателями и носителями любовных песен Д. Осинин считает девушек и женщин; они являются и героинями этих песен. Перекликаются с известными мыслями Н. Г. Чернышевского рассуждения автора о своеобразии идеала женской красоты в народной лирике, об отличии его от идеала господствующих классов (стр. 8). Д. Осинин рассматривает особенности народно-поэтического типа красоты и различные мотивы — счастье разделенной любви и горечь неразделенной, взаимоотношения между героиней и героем, влюбленными и их родителями, отражение общественных условий и бытовой обстановки, в которых развиваются сюжетные ситуации песен, мотивы вешего сна и предчуждствий и т. п. При этом Д. Осинин неоднократно подчеркивает реалистический характер народной лирики, что, на мой взгляд, является следствием известной инерции в употреблении термина «реализм» — ведь сам автор говорит об идеализации образа женщины в песнях (стр. 46—47 и др.), а приводимые им конкретные примеры убедительно свидетельствуют о таких особенностях художественного отражения, которые существенно отличают народную песню от действительно реалистической лирики поэтов нового времени. Любопытны наблюдения автора над особенностями родонских песен (стр. 50), хотя не со всеми его выводами можно согласиться. В жанровом отношении том любовных песен по сравнению с предыдущим более однороден. Здесь собраны образцы подлинно лирической песни; встречаются и немногие образцы коротеньких припевок, которые, быть может, следовало бы сгруппировать отдельно как специфический песенный жанр.

Последний том, подготовленный А. Примовским (при участии Н. К. Примовского), включает песни, сопровождающие и отражающие различные виды трудовой, производственной деятельности народных масс. По богатству и разнообразию произведений — это один из самых ценных томов антологии. Он представляет особый интерес для советских специалистов, если учесть, как бедны публикации соответствующего материала на русском языке. Правда, составителя можно было бы упрекнуть в том, что иногда он слишком расширяет понятие трудовой песни, включая и произведения, относящиеся к другим жанрам и видам. В частности, в томе оказались и обрядовые песни (колядки лазарские и др.). Конечно, для читателя и исследователя, который пожелал бы учесть любой мотив, прямо или косвенно связанный с трудовой деятельностью в различных эпических песнях, балладах, религиозно-обрядовом фольклоре и т. п., такие указания важны (и они могли бы быть сделаны в статье или комментариях), но вряд ли целесообразны повторения в различных томах одного и того же издания. Видимо, и в данном случае стремление к широте охвата тематики пришло в противоречие с жанровым критерием.

В соответствии с замыслом составителя, песни объединяются в следующие группы: песни о земледельческом труде — о пахоте, посеве, жатве (в отдельную группу выделены песни жниц Северной Болгарии), о покосе, о виноградарстве, пастушеские песни и песни о пастухах, песни ремесленников, лесорубов, погонщиков верблюдов и др., которые тоже в ряде случаев сопровождаются конкретными комментариями историко-этнографического содержания. Обязательная и содержательная статья А. Примовского (суммирующая исследования предшественников — Г. Караславова, М. Арнаудова, П. Динекова, А. Георгиева, С. Георгиева, а также обобщающая прежние работы самого автора) расширяет и конкретизирует знания читателя о различных видах

и условиях производственной деятельности болгарского народа, об отношении его к труду, о содержании трудовых песен и о мотивах, связанных с трудовой деятельностью, в различных видах песенного фольклора. В итоге в песнях возникает впечатляющая картина народного труда. Но почти совсем не освещенной оказалась проблема эстетического отражения действительности в фольклоре, что неизбежно, когда художественные качества произведения не интересуют исследователя. Поэтому, правильно характеризуя трудовую песню как «поэзию, которая является не только летописью народной жизни, но и истинной поэзией, которая не может потерять своей действенной силы» (стр. 59), А. Примовский, к сожалению, вторую часть своего тезиса оставляет, по существу, неаргументированной.

Рецензируемое издание является научно-популярным, и не приходится сомневаться, что основную свою задачу оно выполняет успешно. Ценность его определяют качество отобранных текстов (некоторые из них публикуются впервые), тщательность комментария, ясность и содержательность статей. Но существенным недостатком, общим для многих вышедших в свет томов, остается неразработанность научной классификации материала и принципов отбора его и распределения по отдельным томам, а также отсутствие нотных, музыкальных записей, что дает одностороннее представление о народной песне (издатели предполагают исправить этот недостаток, выпустив специальный, дополнительный том нотных записей). Отдавая должное прекрасной инициативе издателя и достоинствам предпринятой ими антологии, хочется пожелать, чтобы болгарские коллеги издали серию научных сборников всех основных жанров болгарского фольклора.

В. Гусев

НАРОДЫ АМЕРИКИ

«20 anos explorando a Cuba». La Habana, 1961, 382 стр.

Книга «20 лет изучая Кубу» представляет собой сборник материалов по истории Спелеологического общества Кубы и состоит из 12 относительно самостоятельных разделов. Яркое и разностороннее освещая историю Спелеологического общества, книга в то же время интересна для специалистов самых различных отраслей знания, в том числе для историков и этнографов.

Нуньес Хименес, основатель и президент Спелеологического общества, возглавляет сейчас вновь созданную революционным правительством Кубы Академию наук.

Спелеология — наука о пещерах. Группа молодых ученых-энтузиастов, основанных в 1940 г. Спелеологическое общество, поставила перед собой широкую задачу — изучить богатейшую природу Кубы, ее горы и равнины, пещеры и гроты, подземные реки и озера. «Огромной заслугой молодежи, посвятившей себя этой работе в условиях удручающей атмосферы прошлого, когда подобная деятельность ни от кого не получала поощрения, является то, что эта группа зачинателей проявляла интерес не только к природе, но и к делам человеческим», — подчеркнул Фидель Кастро в своем выступлении по случаю 20-й годовщины дня основания Спелеологического общества, опубликованном в этой книге¹.

Кубинские спелеологи внесли значительный вклад в изучение исторического прошлого кубинского народа, культуры и быта коренного населения острова, тем более, что в вопросах о происхождении и распространении древних культур антильского ареала и, в частности, Кубы есть еще много невыясненного, неуточненного, а иногда противоречивого.

Первыми людьми, побывавшими в пещерах острова, были индейцы. Носители наиболее древней и примитивной из индейских культур, существовавших на Кубе, — гуа-нахатаби — жили преимущественно в пещерах. На более высокой стадии развития находились сибины, которые в пещерах в основном хоронили мертвецов, и тайно, для которых пещеры служили кладбищами, а также местом совершения религиозных обрядов. Во время кокисты пещеры в горах служили убежищем многим индейцам, поднимавшимся на борьбу против испанских завоевателей.

В настоящее время географическая топонимика Кубы насчитывает более сотни названий пещер, отразивших пребывание в них индейцев. Большое количество пещер удивило и заинтересовало еще первых испанцев, прибывших на Кубу. В сборнике в I разделе «История спелеологии на Кубе» кратко рассматриваются основные работы ученых, исследовавших пещеры Кубы до появления Спелеологического общества. При этом подчеркивается, что первые действительно научные исследования кубинских пе-

¹ Фидель Кастро, Речи и выступления, М., 1960, стр. 245.